

Владимире Мономахе почти то же самое московским дипломатам надлежало говорить в Польско-Литовском государстве при царе Василии (Там же. С. 379).

12. Переписка...С. 12, 53, 62.

13. См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 221.

14. Зимин А.А. Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы)//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 194 – 195; ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 590. Осталось незамеченным, что в «Надписании вкратце о царех московских» имеется почти такая же реминисценция из ППК («от Бога данные ему»), как в начале Повести («данных ему от Бога»).

15. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 43 – 44; Филошкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 245.

16. Археографический обзор//Переписка...С. 260 – 261, 345 – 346. Ср.: С. 312.

Кстати, среди князей Хворостининых за начало XVII в. Ивана Федоровича мы не встречаем. Про него, впрочем, сказано в Дневнике Марины Мнишек, но скорее всего речь там должна идти о хорошо известном Иване Андреевиче (см.: Дневник Марины Мнишек/Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 144. Примеч. 100). И.Ф. Хворостинин упоминается как чашник и столник в документах 1650-х гг.

Сушков А.В.

К вопросу об ответственности членов высшего руководства СССР за так называемое «Рязанское дело» (1959 – 1961 гг.)

«Рязанское дело» – сфальсифицированное руководством Рязанской области выполнение принятых обязательств по производству и сдаче мяса государству – является одним из знаковых событий в политической и социально-экономической истории СССР периода единоличного правления Н.С.Хрущева. Однако до сих пор специальному исследованию не подверглась проблема ответственности членов высшего руководства СССР за произошедшее в Рязани: кто и в какой степени был повинен, и кто в действительности понес наказание.

Во второй половине 1958 г. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н.С. Хрущев, для осуществления поставленной им задачи догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения, стал настойчиво требовать от руководства обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий принятия и выполнения повышенных обязательств по сдаче мяса и другой сельхозпродукции государству. Рязанский обком КПСС к тому времени уже десять лет возглавлял Алексей Николаевич Ларионов – партработник с большим стажем руководящей деятельности, включая опыт работы в аппарате ЦК ВКП(б). Рязанская область, как и многие другие регионы центральной России, не отличалась успехами в сельскохозяйственном производстве. Учитывая также достаточно длительный период пребывания А.Н. Ларионова во главе области, в недалеком будущем должно было состояться его кадровое перемещение, при этом повышение по номенклатурной лестнице было весьма сомнительным. Необходимо также отметить, что пристрастие к алкогольным напиткам у

Ларионова уже к тому времени начало перерастать в алкогольную зависимость, способствовавшую деградации личности (1).

Выполнение взятых повышенных обязательств по продаже мяса государству открывало возможность Ларионову вывести свою область в число передовых, и, по крайней мере, сохранить свое положение первого секретаря обкома, члена ЦК КПСС и депутата Верховного Совета СССР. И он решил не упустить представившийся шанс. В начале января 1959 г. состоялась Рязанская областная партийная конференция, на которой были приняты обязательства увеличить производство мяса в сравнении с прошлым годом в 2,4 раза. Однако уже через несколько дней, 9 января 1959 г., «Правда» на своей первой странице поместила обращение колхозников и колхозниц, рабочих совхозов, РТС, специалистов сельского хозяйства Рязанской области ко всем работникам сельского хозяйства Советского Союза под заголовком: «Увеличим за один год производство мяса в колхозах и совхозах в 3,8 раза. Сдадим в 1959 году мяса государству 150 тысяч тонн – в три раза больше, чем в 1958 году». Путь к отступлению был отрезан самим Н.С. Хрущевым, который лично запустил мощную пропагандистскую кампанию в отношении Рязани. Находясь в начале января 1959 г. в Белоруссии и получив информацию о взятых Рязанской областью обязательствах, Н.С. Хрущев дал указание опубликовать их в центральных газетах, несмотря на имевшиеся тогда у некоторых чиновников сомнения в реальности их выполнения. Принятые рядом регионов обязательства, Н.С. Хрущев в своем докладе XXI съезду КПСС провозгласил «первыми ласточками», поставив рязанские на первое место. Упомянул Рязань в своей речи на съезде и член Президиума ЦК КПСС – Секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Н.Г. Игнатов (2).

Не дожидаясь каких-либо реальных результатов в выполнении взятых обязательств, Н.С. Хрущев уже в феврале 1959 г. решил наградить Рязанскую, и, также принявшую высокие обязательства – Тульскую, области орденами Ленина. Хрущев открыто признавал, что оба представленных к награждению региона многие годы были в числе отстающих по производству продукции сельского хозяйства. Поэтому, фактически, ордена вручались под будущие достижения. Сама процедура вручения награды была также использована в развернутой Хрущевым пропагандистской кампании. Он лично прибыл для этого в Рязань, и 13 февраля 1959 г. на торжественном заседании Рязанского обкома КПСС и облсовета вручил орден Ленина. В своем выступлении Хрущев предупредил, что есть такие работники, которые в начале года берут высокие обязательства и «ходят в героях», потом в конце года выясняется, что обязательства не выполнены, а потому ход выполнения обязательств будет ежемесячно освещаться в центральной печати. Однако здесь же Хрущев счел возможным уже сейчас дать характеристику первому секретарю Рязанского обкома КПСС: «Я считаю своим долгом отметить замечательные орга-

низаторские способности и коммунистическое понимание долга руководителя партийной организации Рязанской области товарища Ларионова» (3).

У Ларионова к тому времени уже был накоплен определенный опыт в фальсификациях отчетности по выполнению планов заготовок сельхозпродукции. Именно на них, в первую очередь, Ларионов возлагал особые надежды, так как все они, включая вновь мастерски разработанные, стали немедленно применяться, но в уже значительно больших масштабах. В массовые фальсификации оказались втянутыми сотни работников от низового до областного уровней. На узких совещаниях, чтобы заставить руководителей районов любым способом выполнить обязательства, Ларионов неоднократно подчеркивал, что это нужно не для него лично, а для ЦК, для Н.С. Хрущева, в интересах не только внутренней, но и внешней политики СССР, а если область не выполнит свои обещания, то в кабинете Ларионова нужно будет установить специальные крюки, на которых должны будут повеситься все секретари обкома и председатель облисполкома (4).

Практически сразу, уже ранней весной 1959 г., в ЦК КПСС стали поступать сигналы, большей частью – анонимные, об отдельных случаях обмана государства в Рязанской области и других регионах РСФСР. 11 мая 1959 г. заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураевым, заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам В.Е. Семичастным, заведующим Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР Г.И. Воробьевым и заведующим Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по союзным республикам П.Е. Дорошенко в Президиум ЦК КПСС была направлена записка о нарушениях при заготовках сельскохозяйственной продукции. Как указывалось в записке, «особенно грубые нарушения и извращения советских законов допущены в Рязанской области», в подтверждение были приведены конкретные факты. Согласно воспоминаниям В.Е. Семичастного, Н.Г. Игнатов воспринял этот документ с возмущением: «Как смели?! Одну область хотели в люди вывести, а вы дискредитируете!» Н.С. Хрущев, по свидетельству Семичастного, отнесся к записке и изложенным в ней фактам спокойней, и, как ему показалось, даже с пониманием. Член Президиума ЦК КПСС – заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристов, фактически возглавлявший руководство Российской Федерации при представителем в Бюро Н.С. Хрущеве, поручил Г.И. Воробьеву подготовить соответствующие предложения для рассмотрения на заседании Бюро ЦК КПСС по РСФСР (5).

Между А.Н. Ларионовым и А.Б. Аристовым давно сложились теплые взаимоотношения. Еще в 1952 г., когда Аристов занимал посты завоотделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК – Секретаря ЦК КПСС, из Рязани поступила информация о перебоях в снабжении продуктами питания. Разгневанный И.В. Сталин приказал немед-

ленно снять Ларионова с должности, однако Аристову, ценой своих отношений с отвечающим за сельское хозяйство Г.М. Маленковым, дорого ему стоившими, удалось доказать невиновность Ларионова, и тем самым спасти, вероятнее всего, не только номенклатурное положение рязанского секретаря (6). И все же, исходя из вышеуказанного, А.Б. Аристов вынужден был лишь присоединиться к начатой Хрущевым, и, безусловно, Ларионовым, игре, и принять в ней непосредственное участие: дальнейшего хода записка Отделов ЦК КПСС не получила.

Таким образом, в Президиуме ЦК КПСС, и Н.С. Хрущеву в частности, стало известно о нарушениях при выполнении плана заготовок. Однако попыток решительно пресечь их, сделано не было. Безусловно, в этом была и вина А.Б. Аристова, как фактического руководителя Российской Федерации, но решающее слово в данной ситуации было не за ним, а за Н.С. Хрущевым. Последний же стремился любым способом создать образцовую область, а затем приводить ее всем остальным в качестве примера. И то, что он был уже в первой половине 1959 г. проинформирован о средствах выполнения принятых обязательств, лишь усиливает, прежде всего, его ответственность за «Рязанское дело».

Два заведующих Отделами ЦК КПСС, подписавших упоминавшуюся выше записку, В.Е. Семичастный и П.Е. Дорошенко, были освобождены от занимавшихся должностей и направлены на периферию: Семичастный был утвержден вторым секретарем ЦК КП Азербайджана, Дорошенко – первым секретарем Черниговского обкома КП Украины. Продолжавшие поступать в ЦК КПСС все новые сигналы с мест не проверялись, а направлялись на рассмотрение в Рязанский обком партии, который сообщал в ЦК КПСС, что письма являются по своему содержанию клеветническими, в отдельных случаях обком докладывал, что по изложенным в письмах фактам приняты соответствующие меры. Авторы писем, в том числе анонимных, чье авторство по указанию Ларионова устанавливалось с помощью органов КГБ, Рязанским обкомом партии объявлялись клеветниками, снимались с работы, по отношению к ним применялись меры партийного взыскания вплоть до исключения из партии. В ответ на отдельные разоблачительные письма, в ЦК КПСС направлялись опровержения за подписью десятков руководителей различных рангов. Проведению проверок со стороны ЦСУ, министерства сельского хозяйства РСФСР, финансовых и других органов членами бюро обкома, и, в первую очередь, А.Н. Ларионовым чинились препятствия, и по их требованию отзывались (7).

Хрущев же продолжил создание из Рязанской области маяка сельскохозяйственного производства. Имея представление о нарушениях, на Декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС он безудержно восхвалял Рязанскую область и ее первого секретаря обкома, беспрестанно попрекая выступавших руководителей республик, краев и областей «достижения-

ми» Рязани. О А.Н. Ларионове на заключительном заседании Пленума ЦК 25 декабря 1960 г. Хрущев сказал, что знает его как серьезного, вдумчивого человека: «Он никогда не пойдет на такой шаг, чтобы взять какое-то нереальное обязательство, блеснуть, а потом, завтра, булькнуть, то есть провалиться. Он на это не пойдет». Глава государства заявил, что Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР за большую организаторскую работу по выполнению взятых обязательств представили А.Н. Ларионова к присвоению звания Героя Социалистического Труда, а председателя облисполкома И.В. Бобкова – к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Вечернее заседание Пленума ЦК КПСС 25 декабря 1959 г. Н.С. Хрущев посвятил вручению наград. В присутствии членов Пленума ЦК и многочисленных приглашенных под гром аплодисментов К.Е. Ворошилов вручил золотую медаль «Серп и молот» А.Н. Ларионову и орден И.В. Бобкову, затем награжденные сфотографировались с членами Президиума ЦК КПСС (8).

На 1960 г. А.Н. Ларионов, находившийся в эйфории успеха, так же, как и в 1959 г., т.е. практически единолично, решил от имени Рязанской области взять обязательство сдать не 150, а 200 тысяч тонн мяса (9). Однако вскоре и в Москве, и в самой Рязани стала очевидной серьезность сложившегося в области положения, когда под сомнение попало выполнение не только принятых обязательств, но и государственного плана заготовок мяса: афера подорвала сельское хозяйство как самой Рязанской, так и ряда других областей, где скупался скот и затем сдавался как рязанский.

Вопрос о персональной ответственности А.Н. Ларионова не поднимался, т.к. смещение с поста первого секретаря обкома партии, чье имя еще недавно не сходило с центральных полос газет, немислимо было произвести незаметно. Однако проблематичной стала сама возможность исполнения им этих обязанностей из-за развившейся у него тяжелой алкогольной зависимости. В июле 1960 г. это обстоятельство подверглось разбирательству на заседании Бюро ЦК КПСС по РСФСР с участием А.Н. Ларионова, обещавшего впредь не допускать пьянства. Н.С. Хрущев принять Ларионова отказался, поручив рассмотреть выносимые им вопросы председателю Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому, который, в свою очередь, также предпочел встречаться не с ним, а с другими руководящими работниками области: вокруг А.Н. Ларионова, вместо недавнего триумфа и ореола героя, стал быстро образовываться вакуум, заполнить который тот вновь пытался только спиртным. Алкоголизм Ларионова со всеми вытекающими последствиями вынудил ряд членов руководства Рязанской области поставить в ЦК КПСС вопрос о его смещении с поста первого секретаря обкома партии. Вопрос был решен положительно, о чем А.Н. Ларионову лично было заявлено Вторым секретарем ЦК КПСС Ф.Р. Козловым. Совершенная Ларионовым в сере-

дине сентября 1960 г. попытка собрать группу первых секретарей сельских райкомов партии Рязанской области и направить их в Москву с целью добиться приема у Ф.Р. Козлова или члена бюро ЦК КПСС по РСФСР П.Н. Поспелова, и просить предоставить ему длительный отпуск для излечения с сохранением занимавшейся должности, успехом не увенчалась из-за отказа ехать ряда секретарей (10).

«Рязанское дело», несмотря на его грандиозные масштабы, могло быть «спущено на тормозах»: «успехи» Рязанской области и имя первого секретаря постепенно исчезли со страниц центральных газет еще весной 1960 г. Если бы не произошел инцидент, потрясший весь партийно-государственный аппарат СССР, и вызвавший пристальное внимание к афере в Рязани: 22 сентября 1960 г., не дожидаясь организационного пленума обкома партии, А.Н. Ларионов застрелился. Попытка Президиума ЦК КПСС скрыть этот факт, утвердив 23 сентября текст сообщения о наступившей «после тяжелой болезни» смерти Ларионова, а также публикацией в органе Рязанских обкома и горкома КПСС газете «Приокская правда» медицинского заключения с указанием острой сердечной недостаточности в качестве причины смерти, закончилась неудачей. Слухи о самоубийстве первого секретаря обкома, фамилия которого еще недавно была у всех на слуху и не успела забыться, быстро распространились среди работников партийно-государственного аппарата страны, в сопровождении, разумеется, и причин такого шага (11).

Когда после смерти А.Н. Ларионова цена успеха Рязани получила огласку, и скрыть произошедшее было уже невозможно, Н.С. Хрущев дал указание Бюро ЦК КПСС по РСФСР произвести проверку выполнения взятых в 1959 г. Рязанской областью обязательств. На место была направлена специальная комиссия ЦК КПСС, в ходе деятельности которой были выявлены масштабы и способы фальсификаций. По итогам работы комиссии А.Б. Аристовым была подготовлена записка в Президиум ЦК КПСС от 10 декабря 1960 г., имевшая целью, помимо прояснения случившегося, сгладить масштабы «мясной кампании», и снять возможные обвинения с Н.С. Хрущева. Как в ней указывалось, Рязанская область в 1959 г. выполнила два годовых плана, вместо трех обещанных, и именно при выполнении третьего плана использовались фальсификации. А для того, чтобы подчеркнуть бдительность и дальновидность Н.С. Хрущева, в записке приводилась его цитата на приеме рязанских женщин в Кремле 16 октября 1959 г.: «Если вы сейчас подсчитаете и увидите, что несколько не дотянете, то честно об этом скажите, и Центральный Комитет партии не осудит вас». Однако, как указывалось в документе, руководители области вместо того, чтобы «сделать партийные выводы из этого предупреждения», «встали на путь прямого обмана партии и государства и скрытия фактического положения дел в области». Одновременно вина за произошедшее, помимо руководства Рязанской области, в

записке возлагалась на Бюро ЦК КПСС по РСФСР, и, конкретно, на заместителя председателя Бюро А.Б. Аристова, «поскольку не был обеспечен должный партийный контроль за действительным выполнением принятых обязательств в Рязанской области и не проведена проверка сигналов, поступавших в ЦК КПСС» (12).

Желая скрыть свою виновность, Хрущев решил взвалить ее на других – строго наказать руководство Бюро ЦК КПСС по РСФСР, за исключением, конечно, самого себя, и, прежде всего, снять с должности А.Б. Аристова. Для того чтобы аргументировать смещение Аристова, имевшего большой авторитет в партийно-государственном аппарате, Хрущев решил воспользоваться подготовленной Аристовым запиской, которая была размножена в количестве 600 экземпляров и направлена на ознакомление всем секретарям обкомов, крайкомов и ЦК Компартий союзных республик (13).

Решения Президиума ЦК КПСС о персональном составе Бюро ЦК КПСС по РСФСР не подлежали утверждению Пленума ЦК КПСС и публикации в печати. Тем не менее, Н.С. Хрущев решил поставить в известность партийно-государственный аппарат страны о причинах смещения Аристова, сообщив об этом на Пленуме ЦК КПСС по сельскому хозяйству, проходившем с 10 по 18 января 1961 г. Ввиду того, что на Пленуме присутствовало большое количество актива, включая работников НИИ, председателей колхозов, директоров совхозов и передовиков сельского хозяйства, не имевших возможность ознакомиться с разосланной на места запиской Аристова в Президиум ЦК КПСС, всем собравшимся были выданы копии этого документа, составленного в выгодном для Хрущева свете. Готовил почву для смещения Аристова Хрущев и во время своего выступления на заседании Пленума ЦК 17 января 1961 г., «недоуменно» заявляя, почему не проводились проверки по выполнению обязательств Рязанской области, так как не могли отсутствовать сигналы с мест.

На предпоследнем заседании Пленума ЦК КПСС 18 января Хрущев сообщил, что Президиум ЦК КПСС решил освободить А.Б. Аристова от занимавшейся должности, по причине того, что обязанности оказались ему «не по плечу»: «Не вышло у товарища Аристова, хотя он очень хороший и честный товарищ. Он – партийный человек и партийность у него очень высокая, в том смысле, что он не групповщик и не клеветник. Он – хороший коммунист, но считаем, видимо, у него на этом участке недостаточно данных, чтобы с этим делом справиться» (14).

На ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС 20 января 1961 г. А.Б. Аристов был освобожден от обязанностей заместителя председателя и члена Бюро ЦК КПСС по РСФСР и утвержден Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Польше. Вслед за А.Б. Аристовым со своей должности был смещен и второй по влиятельности член Бюро ЦК КПСС по РСФСР – П.Н. Поспелов, о котором Хрущев не упоминал на Пленуме

ЦК. Постановление о его освобождении было принято даже не на самом заседании Президиума ЦК КПСС, а опросом его членов, и оформлено от 25 января 1961 г., т.е. менее чем через неделю после смещения Аристова. Поспешность принятия решения, на которую указывал, помимо его формы, и тот факт, что на освобожденное Поспеловым место сразу никто не был назначен, свидетельствовала о раздражении Хрущева, его стремлении кардинально «улучшить» работу Бюро ЦК КПСС, как всегда, ограничившись лишь изменениями персонального состава. Одновременно Хрущев сменил и заведующего Сельхозотделом ЦК КПСС по РСФСР, уже третьего за последние два года.

Глава государства сделал все возможное, чтобы снять с себя вину за произошедшее как в Рязани, так и других регионах страны, демонстративно наказав ряд руководителей, но все же, по свидетельству занявшего место А.Б. Аристова в Бюро ЦК КПСС по РСФСР – Г.И. Воронова, чувствовал и свою ответственность за случившееся. Однако, это практически не нашло своего отражения ни в его выступлениях, ни в действиях. Лишь раз на Январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС он обмолвился, что и сам виноват, но куда больше времени посвятил указанию на виновность других руководителей, заявив, что не имеет возможности лично участвовать в решении всех вопросов (15).

Как показало время, члены Президиума ЦК КПСС сделали для себя соответствующие выводы о личных качествах Хрущева, впервые на их глазах, без зазрения совести, переложившего всю ответственность со своих плеч на других руководителей, и, в первую очередь, на их коллегу А.Б. Аристова, чья виновность заключалась только в исполнении воли Первого секретаря ЦК. Поэтому данный факт впоследствии будет фигурировать в предъявленных членами Президиума ЦК КПСС в октябре 1964 г. обвинениях Н.С. Хрущеву (16).

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 2421. Л. 26.

2. Правда. 1959. 5 января; 1959. 9 января; Декабрьский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС. Стенографический отчет. М., 1960. С. 380; Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. I. С. 37; Т. II. С. 15.

3. Правда. 1959. 13 февраля; 1959. 14 февраля; 1959. 17 февраля.

4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 2421. Л. 17, 40.

5. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 364. Л. 14-22; Хрущевские времена. Непринужденные беседы с политическими деятелями «великого десятилетия». (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 275-276.

6. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 193-194.

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 2421. Л. 5, 13, 18, 25-27; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 492. Л. 9-10.

8. Декабрьский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС. С380-383; РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.428. Л.2, 20-21, 24.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 2421. Л. 40.

10. Там же. Л. 18, 26, 28, 34-35, 40-41, 46.

11. Правда. 1960. 24 сентября; Приокская правда. 1960. 24 сентября; Свахина Р.С., Сушков А.В. Довгопол держался за «коровьи хвосты», и тагильское молочное стадо было спасено // Тагильский рабочий. 1997. 10 декабря.

12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 2421. Л. 10-11; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 492. Л. 2-3, 10.
13. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.
14. Там же. Д. 522. Л. 177-178; Д. 523. Л. 138-139.
15. Воронов Г.И. Немного воспоминаний // От оттепели до застоя. М., 1990. С. 116; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 522. Л. 178; Д. 523. Л. 138-139.
16. Александров-Агентов А.М. Брежнев и Хрущев. Записки помощника четырех генсеков // Новый мир. 1993. № 22. С. 40; Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 233.

Сухоносова С.В.

Проблема создания системы общественного городского транспорта в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв.

Рост населения города, интенсивное развитие промышленности и торговли, недостатки организации извозного дела в Екатеринбурге конца XIX в. обусловили необходимость создания системы общественного городского транспорта.

Городское самоуправление осознавало серьезность данной проблемы. На заседаниях Екатеринбургской городской думы не раз отмечалось, что для обеспечения качественного транспортного сообщения проведения отдельных мероприятий по регламентации извозного промысла не достаточно. По мнению гласного С.А. Бибикова, решить проблему «предоставления населению города удобных способов передвижения» можно было только с созданием общественного городского транспорта (1).

Ближе всего к осуществлению был проект организации в Екатеринбурге городского трамвая. Конно-железные дороги (конки) появились в России еще в 60-х годах XIX в. (в 1863 г. в Петербурге) (2). В Екатеринбурге вопрос о создании конно-железного пути рассматривался Думой в 1884-85 гг., когда по Покровскому проспекту была проложена ветка от железнодорожных мастерских (на берегу р. Исети) до станции «Екатеринбург II» Екатеринбургско-Тюменской железной дороги. Комиссия, избранная для решения этого вопроса (в составе Н.А. Ренкуля, А.Н. Казанцева, И.И. Симанова, В.И. Дмитриева и др.) приняла проект правил по паровозному движению по улицам города, «вопрос о конке» решен не был (3).

В 1890-х гг. во многих Российских городах (Киеве, Одессе, Твери, Екатеринославле) появились электрические трамвайные линии. Как и эти города, Екатеринбург оказался в более выгодном положении, чем Москва и Петербург, вынужденные дожидаться окончания сроков концессий владельцев конок, но попытка создания городского трамвая в 1896-1900 гг. оказалась неудачной. Проект договора, предложенного А.Д. Елтышевым разрабатывался Электрической комиссией Думы (в составе 9 человек, в т.ч. С.А. Бибикова, И.И. Симанова и И.Ф. Круковского) в течение трех лет с июня 1896 г. по июль 1899 г. (4). Заключительная редакция договора была составлена уже с «Франко-Русским торгово-промышленным обществом», которому А.Елтышев продал кон-